

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

65-6
12295

И. И. КЯЙВЯРЯЙЕН

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ
В НАЧАЛЕ XIX В.
И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ
К РОССИИ В 1809 ГОДУ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ЛЕНИНГРАД - 1965

РАБОТА ВЫПОЛНЕНА НА КАФЕДРЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. О. В. КУУСИНЕНА.

Защита состоится на заседании Ученого Совета Исторического факультета Ленинградского Государственного университета в июне 1965 года.

Дата отправления « » мая 1965 года.

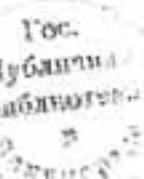
Задача настоящего исследования осветить обстоятельства присоединения Финляндии к России в 1809 году, в связи с развитием международных отношений на Севере Европы и вскрыть всю несостоятельность шведских и финских националистических историков, пытавшихся доказать, что ликвидация многовековой зависимости Финляндии от Швеции якобы явилась большим злом для финского народа.

В диссертации вскрывается колониальная сущность политики шведских правителей по отношению к Финляндии идается характеристика развернувшемуся здесь антишведскому оппозиционному движению, искавшему поддержки у русского правительства еще в конце XVIII в. Во время русско-шведской войны 1788—1790 гг. участники этого движения организовали Аньяльскую конференцию, потребовавшую ограничения власти короля и свободы для Финляндии, а позднее в кампанию 1808—1809 гг. они способствовали поражению шведов и переходу Финляндии к России.

В работе на конкретном материале опровергается версия шведских авторов о якобы всеобщем характере антирусского народного восстания в Финляндии во время войны 1808—1809 гг. и показывается усиление прорусской ориентации в определенных кругах населения. Одним из выражений этих настроений явилось откомандирование специальной депутации в Петербург для переговоров о будущности Финляндии и предоставлении ей внутренней политической автономии.

В диссертации опровергается и точка зрения некоторых зарубежных историков, считавших, что судьба Финляндии и, следовательно, вопрос о неизбежности русско-шведской войны были предрешены уже в Тильзите. Наполеон действительно настойчиво и красноречиво доказывал, что Швеция — географический враг России.

Однако мысли Александра I тогда были обращены к Молдавии и Валахии, в которых он видел единственную компенсацию за свой союз с Францией. К тому же Россия была слишком озабочена предстоящей борьбой против своего главного врага Наполеона, чтобы увеличивать число открытых противников отвоеванием у Швеции ее заботнической провинции. Даже

после того как война началась, в России на нее смотрели как на средство, призванное заставить Швецию отказаться от союза с Англией и примкнуть к континентальной блокаде. Завоевание Финляндии стало целью войны только тогда, когда обнаружилось решительное нежелание Наполеона пойти на раздел Турции.

Отношение русского правительства к проблеме внутреннего устройства Финляндии неоднократно менялось. Начиная войну, оно из страха перед возможным сопротивлением финнов сулило им всевозможные блага, вплоть до сейма. Но убедившись в том, что население Финляндии относится к русской армии лояльно, Александр I отрекся от февральского манифеста главнокомандующего русскими войсками в Финляндии Буксгевдена, содержащего эти обещания. Только под впечатлением неотвратимости близкого столкновения с Наполеоном, почерпнутого на Эрфуртском конгрессе, царское правительство стало на путь прямого благоприятствования Финляндии, чтобы завоевать на сторону России симпатии бывших подданных шведского короля. Эта политика занягрывания с Финляндией, с известными колебаниями, оставалась в силе вплоть до начала открытого похода на финляндскую автономию в конце столетия.

* * *

В распоряжении исследователя, изучающего международные отношения на Севере Европы в нач. XIX в., имеется значительный источниковедческий материал.

Из архивных документов первостепенный интерес представляет фонд Канцелярии Министерства иностранных дел за 1808 и 1809 гг. в Архиве Внешней политики России, где сосредоточена переписка Александра I, Румянцева, Салтыкова, Будберга, Алопеуса, Буксгевдена, Стединга и др., а также донесения и дневники генерала Каменского, командовавшего главными группировками русских сил на севере Финляндии и Швеции.

Важные статистические сведения об экономическом развитии Финляндии в первой половине XIX в. и ежегодные донесения финляндских генерал-губернаторов содержатся в фонде стат-секретариата по делам Финляндии в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде.

В центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, в фонде Меншикова, бывшего генерал-губернатора Финляндии, отложились бумаги, характеризующие деятельность финляндского сената, сторонников расширения финляндской автономии и новой финляндской конституции.

Из зарубежных материалов большой интерес вызывает так называемый фонд Лехтонена, хранящийся в Государственном архиве Финляндии. Лехтонен был видным исследователем меж-

дународных отношений наполеоновского времени. Он изучил архивы многих столиц Европы и собрал материал, насчитывающий несколько десятков картонов. Лехтонен начал работу над двухтомным сочинением по международным отношениям на Севере Европы в нач. XIX в., но смерть помешала ему довести ее до конца.

Отдельные извлечения из фонда Лехтонена, наряду с материалами войны 1808—1809 гг., фондом Буксгевдена и другими документами, Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР получил из Финляндии в микроформированном виде в порядке научного обмена.

Важным дополнением к архивным источникам служат имеющиеся по теме публикации. Сюда относятся материалы о деятельности антъяльских конфедератов и судебной расправе над ними. Правда, Густав III уничтожил оригиналы этих документов и лично отредактировал копии, предназначаемые для потомства, но, критически прокомментированные финским историком Седербергом¹, они помогают нам воссоздавать картину борьбы, которую развернули финские патриотические силы против шведского господства в конце XVIII в.

В 1868 г. Русское Историческое Общество начало издавать документы о внешней политике России. В различных томах его сборников (83, 88, 89 и др.) помещены ноты и письма Наполеона, Александра I, Талейрана, Савари, Коленкура и других современников, проливающие свет на перипетии международных отношений на Севере Европы. Исключительно ценным дополнением к этому изданию является публикация документов Российского Министерства иностранных дел, предпринятая Министерством иностранных дел Союза ССР, под редакцией А. А. Громыко. Уникальные документы, помещенные в первых четырех томах этой публикации, расширяют наши представления о развитии международной политики в бурное наполеоновское время.

В диссертации использованы также материалы, опубликованные в архиве Воронцова, Собрании трактатов и конвекций Мартенса, Полном Собрании законов Российской империи, Сборниках исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии, а также в двух сборниках документов, изданных в Финляндии в конце прошлого века². Первый из них содержит обширную переписку русского главнокомандующего с губернаторами и другими должностными лицами Финляндии за 1808—1809 гг., второй включает мате-

¹ Cederberg, A. R. Anjalan tilton historialiseet lähteet. Helsinki, 1931.

² Suomen hallinnollista kirjeenvaihtoa vuodelta 1808, I, II. Helsinki, 1893—1895; Yrjö Maunu Sprengtportenin. Suomen kenraali-kuvernöörin virallista kirjeenvaihtoa v. 1808—1809. Helsinki, 1882.

риалы, характеризующие деятельность первого генерал-губернатора Финляндии Спренгтпортона, назначенного на этот пост еще до окончательного поражения Швеции.

Следует отметить, что при всей обширности библиографии, посвященной эпохе Наполеона, очень немногие авторы занимаются подробным рассмотрением северных аспектов наполеоновской политики. Только шведские историки, по понятным причинам, проявили к этому кругу вопросов повышенный интерес, но освещают они их тенденциозно³. В основе их трудов лежит осуждающее отношение к России и защита своего правительства, особенно подчеркивается то обстоятельство, что последняя война 1808—1809 гг. была начата Россией без предварительного объявления. Шведские авторы, равно как и шведский генеральный штаб, выпустивший многотомное описание войны 1808—1809 гг.⁴, сходятся на том, что финские солдаты и офицеры, отмобилизованные в шведскую армию, были проникнуты свободолюбивыми идеями антъяльских конфедератов, саботировали свои обязанности перед шведской короной и не хотели воевать. Шведская писательница Бoот-Хольмберг выпустила специальную книгу «О роли предательства в борьбе за Финляндию», в которой все поражения шведского оружия объясняются дезертирством финских солдат и офицеров.

В финской исторической литературе также встречаются работы, выдержаные в духе крайнего национализма, разделяющие концепцию шведов и пропагандирующие вражду к России. Так, автор десятитомной «Хроники финского народа» Ювелиус⁵ резко осуждает Россию за то, что она, втянув Швецию в водоворот антифранцузской борьбы, напала на нее за верность прежним союзным обязательствам. Правда, он тут же признает, что за 20 лет до этого Швеция сама атаковала Россию без всякого предупреждения, но чтобы оградить действия короля Густава III, Ювелиус прибегает к неуклюжему утверждению о том, что накануне войны 1788—1790 гг. «между странами не существовало политической близости»⁶. С конца XIX в. в финской исторической науке существует и другое, либерально-прогрессивное, направление, которое судит о борьбе финских патриотов против шведского господства и их стремлении к сотрудничеству с Россией с реалистическим пониманием интересов финского народа. Оно исходит из концепции

³ Montgomegy G. Historia öfver kriget emellan Sverige och Russland ägen 1808 och 1809, I, II, Örebro, 1842; Glasen, Sam; Gustaf IV Adolf och europeiska krigen under Napoleon, Stockholm, 1913; Бoот-Хольмберг Роль предательства в борьбе за Финляндию, Петербург, 1917.

⁴ Generalstabens grigshistoriska avdelning Sveriges krig ägen 1808 och 1809, I, VII, Stockholm, 1890—1919.

⁵ Juvelius, E. Suomen kansan aikakirjat, I—X, Helsinki, 1932.

⁶ Указ. соч. т. VI, стр. 572.

выдающегося финского просветителя и общественного деятеля Снельмана о том, что до 1809 г. не могло быть и речи о специальных финских интересах и что лишь после присоединения к России создались в крае сельское хозяйство, промышленность, наука, литература и искусство со своей особой финской окраской, т. е. началось развитие финского национального самосознания⁷. Позитивную оценку присоединения Финляндии к России более или менее последовательно разделяли Даниэльсон-Калмари, Лехтонен, Седерберг, Осмонсало и другие. Их позиция могла бы быть выражена словами современного финского историка и публициста Тейвайнена: «Сущность проблемы независимости состоит в том, что без присоединения Финляндии к России в начале XIX в. и рождения советской власти наша страна по сей день не являлась бы суверенным государством»⁸.

Русская дореволюционная историческая наука долгое время не проявляла интереса к событиям, связанным с присоединением Финляндии к России. Первой значительной работой по этому вопросу, носящей в некоторой мере мемуарный характер, была вышедшая в 1832 г. книга участника войны П. Сухтелена «Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России Швециею в 1808 и 1809 гг.». В 1841 г. по указанию Николая I была опубликована книга Михайловского-Данилевского «Описание финляндской войны на сухом пути и на море 1808—1809 гг.». Оба эти сочинения содержат довольно добросовестное изложение событий войны, но они почти полностью обходят вопросы международной политики этих лет. Первой попыткой осветить дипломатическую предысторию русско-шведского конфликта 1808—1809 гг. была работа К. Злобина «Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России»⁹, вышедшая в 1868 году. Ценность этого труда снижается его тенденциозным подходом к проблеме. Злобин считает все поступки Александра I правильными и безупречными. Он возлагает всю ответственность за русско-шведские дипломатические осложнения, равно как и за саму войну, на правительство Стокгольма.

Только в конце XIX века, когда царизм от политики поощрения финляндского национализма перешел к мерам ликвидации финляндской автономии, «финляндский вопрос» становится злободневным. Потребовались труды, оперирующие аргументами из прошлого Финляндии и русско-финских отношений, чтобы оправдать клятвопреступничество самодержавия.

⁷ Snellman, I. V. Kootut teokset, Porvoo, 1930, VII, s. 256.

⁸ SNS-Lehti, 1962, № 12.

⁹ Сборник Русского Исторического Общества, т. II..

Начало растущему потоку великодержавных, финнофобских нападок было положено в 1889 г. двухтомным сочинением К. Ордина «Покорение Финляндии», удостоенным императорской Академией наук премии митрополита Макария. Ордин, как и Ф. Еленев, автор вышедшей двумя годами позже книги «Современный финляндский вопрос в освещении русской и финской прессы», провозглашал неразумными права и привилегии, предоставленные финнам в дни Боргосского сейма. Эти авторы объясняют чрезмерную уступчивость Александра I отсутствием у него чувства русского национального достоинства, его склонностью к космополитизму. Работы Ордина¹⁰, Еленева¹¹, Таганцева¹², Коркунова¹³, Бородкина¹⁴, Петровского¹⁵, Сергеевского¹⁶ отрицали права финнов на свободу не только после присоединения к России, но и в период шведского господства. Эти авторы стали осуждать деятельность Анньяльского союза и его лидеров Спренгтпортена и Егергорна, а когда финские профессора Ирье-Коскинен, Даниельсон и Мехелин пытались заступиться за честь своих соотечественников, они подвергались яростным атакам со стороны русской черносотенной печати. Газеты «Московские ведомости» и «Новое время» поддерживали монархических историков и подобострастно комментировали их произведения. Самарин и его политические сподвижники кричали о финском сепаратизме и необходимости борьбы с ним.

Финские писатели и публицисты Монтгомери, Меурман, Неовиус, Пальмен и другие пытались в меру своих возможностей парировать удары. Но силы были слишком неравными. Когда Даниельсон-Калмари издал на русском языке тщательно аргументированное опровержение¹⁷ на памфлет Ордина, эта книга была изъята из обращения. По поводу этого сочинения цензор А. Пеликан докладывал петербургскому цензурному

¹⁰ Ордин, К. Покорение Финляндии, т. I, II. С. Петербург, 1889 г.

¹¹ Еленев, Ф. Современный финский вопрос в освещении русской и финской прессы. С. Петербург, 1891 г.

¹² Таганцев, Н. Манифест 1/13 декабря 1890 г. и уголовное законодательство в Финляндии. «Юридическая летопись», февраль, 1891 г.

¹³ Коркунов, Н. Великое Княжество Финляндское. «Юридическая летопись», апрель, 1890 г.

¹⁴ Бородкин, М. История Финляндии, т. I—VI. С. Петербург, 1909 г.

¹⁵ Петровский, С. Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем и иных материалов для изучения так называемого «финляндского вопроса». Москва, выпуск I — 1891, выпуск II — 1894, выпуск III — 1897 г.

¹⁶ Сергиевский, Н. К вопросу о финляндской автономии и основных законов. С. Петербург, 1902 г.

¹⁷ Даниельсон, И. Р. Присоединение Финляндии к России. По поводу сочинения К. Ордина «Покорение Финляндии». Борго, 1890.

комитету, что в ней «рассматривается вопрос о правах и обязанностях е. и. в. по отношению к Финляндии и доказывается, в силу различных исторических и догматических соображений, что все так называемые финляндские привилегии являются результатом договорных отношений между русским монархом и финляндским народом... Подобного рода рассуждения не могут быть допущены в русской печати как несовместимые с понятием о самодержавии русских монархов»¹⁸.

При всем этом Финляндия все-таки была не одна. В защиту ее прав выступил рабочий класс России и его партия. Ряд статей, написанных В. И. Лениным по финляндскому вопросу, явились мощным средством мобилизации сил русской и мировой демократии на защиту Финляндии. Борьба, начатая большевиками, увенчалась успехом. Именно они, в результате Великой Октябрьской социалистической революции в России, предоставили независимость народу Финляндии.

В советской исторической науке освещаемая в диссертации проблема совершенно не представлена. По русско-шведской войне 1808—1809 гг. наша литература располагает только одной популярной брошюрой Г. Захарова¹⁹, содержащей военно-тактическое описание кампании. Эта работа, в сочетании с несколькими статьями, не может заполнить существующий пробел.

В результате слабой изученности проблемы русско-шведско-финских отношений в наши вузовские учебники проникли трафаретные формулировки, освещавшие явления односторонние и не покрывающие всей сложности затрагиваемых вопросов.

Глубокое изучение взаимоотношений между Россией и Финляндией в XVIII—XIX вв. выходит за пределы академического интереса. Оно выявляет наличие между двумя странами тесного взаимовыгодного политического и экономического сотрудничества, свидетельствующего о том, что современное дружественное отношение Финляндии к своему великому восточному соседу имеет определенные традиции в прошлом.

* * *

Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения и библиографии.

Во введении дано обоснование темы и определяются вопросы, являющиеся предметом исследования. В нем содержится обзор источников и литературы.

¹⁸ Добровольский, Л. М. Запрещенная книга в России 1825—1904 г.г., М., 1962, стр. 181.

¹⁹ Захаров, Г. Русско-шведская война 1808—1809 гг. Москва, 1940.

Первая глава посвящена международным отношениям на Севере Европы от Второго Союза о морском вооруженном нейтралитете до Тильзитского мира.

Вторая глава — международным отношениям на Севере Европы от Тильзитского мира до разрыва России с Англией.

Третья глава — международным отношениям от англо-русского конфликта до возникновения русско-шведской войны.

Четвертая глава — политическим и международным аспектам борьбы за Финляндию в 1808 году.

Пятая глава — Боргоскому сейму и созданию автономного правительства Финляндии.

Шестая глава — поражению Швеции в 1809 г. и Фридрихсгамскому миру.

* * *

I

Присоединение Финляндии к России произошло в результате взаимодействия общей международной политической конъюнктуры и территориальной экспансии России, простиравшейся на рубеже XVIII—XIX вв. в сторону Балтики, Черного моря и центральной Европы. Несмотря на то, что задача «прикрытия Петербурга»¹⁹ стояла во внешнеполитической программе России со времени Ништадского мира, Екатерина II не могла заняться разрешением «финляндского вопроса», т. к. внимание России было отвлечено в сторону Турции. В результате Кампо-Формийского мира и захвата Наполеоном Мальты и Египта серьезно возросла французская угроза в бассейне Средиземного моря. Россия решила отказаться от политики невмешательства во французские дела, в результате чего Павел I направил черноморскую эскадру на помощь туркам в их борьбе против первого консула. Ионические острова и Далмация были освобождены от французской оккупации. Англия, Австрия и Неаполь, присоединившиеся к русско-турецкому союзу в 1798 г., завершили образование второй антифранцузской коалиции. Но единения в лагере союзников не было. После того как Суворов одержал ряд блестящих побед в Италии правительство Вены направило его в Швейцарию. Этого Павел не мог простить Тугуту и порвал с Австрией.

Продолжающаяся морская война Франции против Англии и ее жесткие меры по отношению к торговле нейтральных стран заставили Швецию обратиться к покровительству России. Павел I ненавидел буржуазную Францию, а в 1799 г. из-за провала совместной русско-английской высадки в Голландии

он порывает и с Великобританией. Покинув своих союзников по второму антифранцузскому блоку, Россия становится на путь нейтралитской политики, возобновив в 1799 г. в Гатчине Дротингольмский союз со Швецией. В 1800 г. она создает Второй союз о морском вооруженном нейтралитете с участием Швеции, Пруссии и Дании. Несмотря на то, что в период второй коалиции обе воюющие стороны преследовали торговлю нейтральных стран, Наполеон, лишившись флота при Абукире и стремясь преодолеть английскую блокаду французского побережья, открыл свои порты странам — участникам Второго союза о морском вооруженном нейтралитете.

30 марта 1801 г. англичане направили 17 линейных кораблей под командованием Паркера в Зундский пролив. Шведский флот, взаимодействуя с крепостями Кроненбург и Гельзингборг, мог бы в соответствии с договором закрыть пролив шириной менее 5 километров. Но у него для этого не было пороха и желания сражаться.

Англичане беспрепятственно напали на Копенгаген, частично уничтожили и частично пленили датский флот, заставив правительство Дании отказаться от участия в союзе о морском вооруженном нейтралитете.

Поняв, что участие Швеции в союзе носит фиктивный характер, англичане направились в Финский залив, чтобы подвергнуть русские порты участия Копенгагена. Только известие об убийстве Павла I помешало Паркеру привести свою угрозу в исполнение. Александр I отменил эмбарго на английские купеческие суда и пересмотрел основы внешней политики государства в пользу Англии. Сторонники нового курса исходили из того, что вражда с Великобританией является гибельной для русской торговли и что причиненный ею ущерб ни в коей мере не компенсируется приобретением Мальты. К тому же расширяющиеся завоевания первого консула все настойчивее ставили перед Россией вопрос: с кем быть? Когда в Петербург на коронацию Александра прибыл шведский представитель Армфельт, он здесь получил наставления убедить своего короля пойти на мир с Англией.

Попытки Швеции завязать тесные торговые узы с Францией не привели к положительному результату, так как обе стороны держались за принцип протекционизма, да и слишком уж невелик был удельный вес Швеции в общем торговом балансе Франции, чтобы она могла серьезно интересоваться ею. Придя к мысли, что против Англии в конце концов придется употребить меры экономической блокады, Наполеон стал больше интересоваться позицией России, которая в международных торговых делах значила бесконечно больше, чем Швеция. В этих условиях Густаву-Адольфу пришлось склониться к сотрудничеству с Англией.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., изд. 2, т. 22, стр. 26.

Была еще одна сфера, где интересы Швеции и Франции приходили в резкое противоречие, это — германские государства. Густав был гарантом Вестфальского мирного договора и владетельным князем Германии. Забота о сохранении Померании заставляла его бороться против наполеоновских планов в этом районе.

Чтобы как-то утолить свою хроническую нужду в деньгах, Швеция пожелала продать Мекленбургскому герцогству город Висмар, отняв у него Варнемюндскую таможню на берегу Мекленбургской бухты. Россия заступилась за Мекленбург и это привело к дальнейшему охлаждению отношений со Швецией. Теперь Густав становится на путь прямых провокаций. Он предложил поддерживать дипломатические сношения с Россией не на уровне послов, как было раньше, а посланников. Совершая в 1802 г. объезд своих финляндских владений, король приказал, в нарушение международных норм, выкрасить в шведские цвета мост через пограничную реку Кюмени. В этом уже заключался прямой вызов. Русский министр иностранных дел Воронцов заговорил с послом Швеции Стедингом твердым и непреклонным языком. Наступил разрыв дипломатических отношений.

С энергичным протестом по поводу действий Швеции выступила Англия, упрекая ее в забвении союзных обязательств перед лицом общего врага. С русской стороны высказывалось сожаление, что спор с Густавом-Адольфом остался не завершенным.

Амьенский мир оказался всего лишь непродолжительным перемирием. Новая война, разразившаяся между Англией и Францией, втянула в свой водоворот и страны Северной Европы.

Балтийское море издавна считалось закрытым для капретства. Это правило, гарантированное Россией, Данией и Швецией, неукоснительно соблюдалось другими державами. Во время войны американских колоний за независимость и возобновления союза о морском нейтралитете в 1800 г. через Зундский пролив проходили только те военные корабли, которые сопровождали купеческие караваны. Дания, Швеция и Россия считали Балтийский бассейн как бы своим внутренним морем, и другие страны не противились этому.

Теперь, в условиях возобновившейся войны, Россия запросила Швецию и Данию, что они намерены предпринять, чтобы гарантировать покой и свободу коммуникаций на Балтике, на что шведский министр иностранных дел Эренгейм ответил уклончиво. Поддаваясь антирусским нашептываниям французской дипломатии, сулившей ему свидание с Наполеоном и обещавшей датскую Норвегию в обмен на Померанию, Густав увеличил свои гарнизоны на русской границе до 24 тыс. человек. Россия должна была смотреть на Швецию одновременно

как на союзника и как на потенциального врага. Допуская, что ей не удастся сохранить нейтралитет в англо-французском конфликте, Россия учитывала возможность появления у Густава соблазна предпринять нападение на Петербург, если русские силы будут отвлечены в сторону Центральной Европы. (После Аустерлица король действительно был очень близок к этому. Но неурожай в Швеции и невозможность из-за наполеоновских войн заменить ввоз русского хлеба немецким заставили Густава отложить выполнение своего намерения). Учитывая это, А. Р. Воронцов настоятельно предостерегал царя не оголять шведскую границу.

Когда французские войска заняли Ганновер и стали угрожать Померании, Густав запросил Россию о помощи. В Петербурге с пониманием отнеслись к беспокойству Швеции.

В 1804 г. произошло событие, которое потрясло легитимные дворы Европы. Наполеон в отместку за заговор Кадуадаля, по совету Талейрана, схватил проживавшего на территории Бадена герцога Энгиенского и расстрелял его.

Теперь внешнеполитическим колебаниям Швеции наступил конец. Густав бросился уговаривать немецких государей объединиться и положить предел произволу «апокалиптического зверя». Он предлагает Англии, в обмен на субсидии, свою армию и флот и объявляет, что не согласен с решением французского сената о присвоении Наполеону императорского титула. 14 января 1805 г. Густав заключил союз с Россией, чтобы воспрепятствовать Франции закрыть Зунд для английских судов.

Александр предложил Пруссии и Дании военный союз для совместной борьбы с Наполеоном, но нерешительность этих стран привела к тому, что в критический момент они оказались вне борьбы. Швеция, при всей своей внешней воинственности, также выжидала. Она хотела выторговать как можно больше субсидий у англичан.

Курс на известное «окружение» России, проводимый Наполеоном на Севере, дополнялся его опасной активностью на Юге. Став прочной ногой в Италии, он получил возможность угрожать русским интересам в Турции.

Желание союзников укрепить свои позиции в районе Зундского пролива побудило их ускорить переговоры о привлечении к новой антифранцузской коалиции шведского короля. Англичане подписали с ним два договора — от 31 августа и от 2 октября 1805 г., обязавшись содержать шведские войска, направляемые совместно с русскими силами в Померанию для изгнания французов из Северной Германии.

Третья лига государств располагала большими реальными и еще более значительными потенциальными возможностями, чтобы противостоять агрессии Наполеона. Но в ее системе вскоре обнаружился существенный изъян: Пруссия отказалась

выполнять взятые на себя в мае 1804 г. обязательства. Россия была полна решимости убедить или принудить Пруссию действовать в объединенном фронте против Наполеона, но пока это не давало результатов.

Наполеон явно переоценивал военную мощь тогдашней Пруссии (только в 1806 г. он понял свое заблуждение) и заигрывал с нею, чтобы сблизиться с Россией. Он внушал, что Англия с ее притязаниями на безраздельное морское господство является главной опасностью для всех. Но эта «политика союзов», к которой Франция обратилась после провала плана высадки в Англию, Трафальгарской катастрофы и победы при Ульме, терпела поражение из-за неуступчивости России. Она потребовала от Наполеона очищения Италии, отказа от левого берега Рейна и воссоединения Голландии с Бельгией.

Аустерлицкое сражение подняло могущество Наполеона на небывалую высоту. Безопасность России оказалась под ударом. Австрия была низведена до положения державы, которая подобострастно ловила указания из Парижа. Французы хозяйничали в Северной Германии, а Италия была отдана неаполитанскому королю Иосифу Бонапарту. Росло беспокойство поляков. Казалось, что поощряемые Наполеоном они восстанут и причинят русским властям много новых забот.

Из континентальных стран в коалиции оставались Россия и Швеция. Но невероятные просчеты шведов в Померании показывали, что маршал Бернадот может разделаться с ними без большого труда.

Затруднения России после Аустерлица росли еще от того, что Франция готовила ей новые сюрпризы на Востоке, отобрав у Австрии по Пресбургскому миру Далмацию и Венецию. Наполеон решил, что он получил важные ключевые позиции для активизации своей политики в Турции. Наполеон послал в Константинополь своего представителя Себастьяни, поставив перед ним задачу: разрушить планы России в отношении Турции и предотвратить ее распадение путем создания тройственного союза с участием Франции, Персии и Турции. Необходимо подчеркнуть, что наполеоновская политика противодействия русским интересам на Востоке до и после Тильзита решающим образом сказалась на судьбе Финляндии. Когда Александр убедился, что Наполеон ни за что не уступит России обещанные в 1807 г. Молдавию и Валахию, ему пришлось довольствоваться Финлядией в качестве вознаграждения за присоединение к тильзитской системе.

Положение России становилось трудным. Уже после Аустерлица в ее правящих кругах остро дебатировался вопрос, кого в создавшихся условиях считать другом и кого врагом, и главное, как следует поступать, чтобы оградить интересы государства от слишком явного ущемления.

Царское правительство было заинтересовано в прекращении войны. Его подготовили к этому не только поражение при Фридланде и внутренние трудности, но и эгоизм, склонность, медлительность и взаимные ссоры его союзников.

Англия продолжала борьбу, но она делала это с обычными для нее оговорками, относясь двусмысленно к своим союзным обязательствам. Так, посылая свой флот в турецкие воды борясь против французов, она в то же время ревностно следила за тем, чтобы русская политика на Ближнем Востоке не увенчалась успехом.

Другая союзница, Пруссия, была раздавлена и превращена в жалкий территориальный обрубок, Австрия оставалась на позициях сомнительного нейтралитета и упускала случай объединить свои силы против общего врага. Войска третьего союзника Густава-Адольфа IV, действуя в Северной Германии, обнаруживали полную несостоятельность. Маршал Бернадот заставил их покинуть Штральзунд, а затем и остров Рюген. Русская армия была истощена плохим снабжением, вызванным чрезвычайной протяженностью коммуникаций. Главнокомандующий Бенигсен требовал пополнений под угрозой ухода в отставку. Он не пользовался доверием солдатской массы. Другим генералам, победившим в Отечественную войну французов, предстояло еще набираться опыта на труднейшем финском театре в послемильитский период. На границе России стояла непобедимая наполеоновская армия, вобравшая в себя немецких поляков. Их вторжение привело бы к восстанию в русской Польше, что усугубило бы и без того трудное внутриполитическое положение империи. В такой обстановке русское правительство не могло продолжать войну, не рискуя независимостью государства. Александр ухватился за переговоры, сулившим, как ему казалось, не только мир, но и сохранение за Россией положения великой державы сравнительно малой ценой.

Заинтересованность России в переговорах совпадала с намерениями Наполеона. Он нуждался в мире для восстановления армии, потерпавшей под Прейсиш-Эйлау и Фридландом, и продолжения своей крупномасштабной политической игры, главной целью которой оставалось удушение Англии. Чтобы побудить Россию отказаться от сотрудничества с Англией следовало предложить ей такие выгоды, которые позволили бы забыть горечь поражения и прочно приобщиться к французской колеснице. Казалось, что союз двух сильнейших государств будет столь всемогущим, что не только континентальные страны, но и быть может сама Англия будет просить мира.

Ко времени Тильзита сложилось такое положение, что не только Франция была заинтересована в союзе с Россией, но и Россия не могла довольствоваться одним только мирным соглашением. Она стремилась к союзу.

Мнение, будто в Тильзите «Александр I решился на крутой поворот во внешней политике»²⁰, не является убедительным. Ясно одно, что сформулированная в 1802 г. главная цель — обуздание наполеоновской агрессии — осталась в силе и летом 1807 г. Менялись только приемы борьбы. То, чего ранее не удавалось достичь средствами войны, решено было добиваться приемами мирной дипломатии. Россия отдавала себе отчет в том, что Наполеон непременно потребует торгового разрыва с Англией, но она понимала и то, что без этого условия не будет не только союза, но и мира.

Очень сложным оказался вопрос об умиротворении союзников, который Наполеон возложил на своего русского партнера. Стремясь решить его в духе обязательств, вытекающих из Тильзитского соглашения, и встречая упорное нежелание лондонского и стокгольмского правительства смириться с неизбежностью, Россия вынуждена была в 1808 г. скрестить с ними оружие.

II

1 августа русский посол в Лондоне уведомил Канинга в общих чертах о Тильзитском договоре. Александр I не надеялся на успех возложенного на него в Тильзите посредничества и рассчитывал выиграть время. Перспектива немедленной войны против своей вчерашней союзницы не прельщала его. Северные границы России не были защищены от возможных диверсий со стороны английского флота, не говоря уже о том, что нарушение торговых связей сулило непоправимый материальный урон. Кроме того, еще неясно было как будет поступлено с Турцией и какой линии поведения будет придерживаться Швеция, которую Россия обязалась склонить к антианглийскому блоку. В начале августа в Петербурге стало известно, что Густав-Адольф IV нарушил Шлатковское перемирие и возобновил, хотя и с плачевными для себя результатами, военные действия против французов в Померании. Этим актом Швеция очень недвусмысленно определила свое отношение к русским предложениям об отходе от союза с Англией. Стало ясно, что она может причинить очень много хлопот России, прежде чем примкнет к Тильзитскому союзу. В беседе со Стедингом 9 августа Александр показывал разумность такого образа действия, который уберег бы Швецию от разрушительного гнева Наполеона. Но король велел послу ответить, что он смотрит на положение дел в Европе иначе, чем правительство России.

При всем этом представляется очевидным, что если Россия не очень охотно шла на разрыв с Англией, то она испытывала

еще меньше оптимизма при мысли, что ей придется скрестить оружие с двумя противниками одновременно. Решительным нежеланием новой войны объясняется сдержаный тон русской дипломатической переписки с Англией вплоть до совершения ею нападения на Данию и наступления ходов, когда британский флот стал уже практически не опасен. А в отношениях со Швецией эта умеренность, несмотря на капризные выходки Густава-Адольфа, сохранилась вплоть до начала 1808 г., когда разрыв с ней стал неотвратим. Швеция, в свою очередь, демонстративно сохраняла союзническую верность к Англии. Время показало, что подобная нереалистическая политика причинила большой ущерб ее интересам и привела к потере Финляндии.

Наполеон развил чрезвычайно энергичную дипломатическую деятельность на Севере и Юге, чтобы в полной мере воспользоваться достигнутой в Тильзите победой. Он послал в Россию представлять французские интересы своего начальника тайной полиции генерала Савари, пока в декабре 1807 г. он был заменен Коленкуром. Отправляемый Савари с миссией в северную столицу, Наполеон писал в инструкции своему послу: «Вы видели как я был обманут австрийцами и пруссаками; я доверяю русскому императору и между обоими народами нет ничего, что могло бы помешать тесному их сближению; поработайте же для этого»²¹.

Но сближения между «народами» не получилось. Первое впечатление от мира в России было удручающим.

Вскоре произошло событие, которое изменило настроения в пользу нового союза: в конце августа 1807 г. Англия напала на Данию.

Наполеоновские войны имели всеобъемлющий характер в том смысле, что они с суровой неотвратимостью втягивали в свой водоворот как великие, так и малые народы. Так, маленькая Дания за первые семь лет XIX в. дважды оказалась в центре мировой политики. Наполеон всегда интересовался этой страной. Еще в ноябре 1806 г., заняв Ганзейские города, он намеревался в качестве «союзника или врага» вторгнуться в пределы Дании, чтобы предотвратить переход ее флота в руки англичан и получить возможность через Зундский пролив контролировать балтийское судоходство. 26 августа 1807 г. маршал Бернадот вручил датскому принцу Фредерику официальное предложение помочь на случай нападения англичан. Но Дания, страшась в одинаковой мере как Англии, так и Франции, ответила уклончиво, согласившись на продолжение переговоров в Париже.

Уже в дни Тильзита было видно, что Англия держит в своих руках ключи мира и войны в Европе, что она не согласится прекратить борьбу на выдвинутых Наполеоном условиях и, по всей

²⁰ Дипломатический словарь, т. 2, М., 1950, стр. 807; История дипломатии, т. I, М., 1959, стр. 472.

²¹ Сб. РИО, т. 83, стр. LXIII.

видимости, не примет посредничества России. Английский посол в Петербурге Гоуэр, не имея пока инструкции от своего правительства, высказывался именно в таком духе. Да и правительство России не строило больших иллюзий на этот счет, считая необходимым исподволь готовиться к войне. Но оно не ожидало, что английская агрессия против Дании так ошеломляюще быстро обнажит положение и заставит ее поспешить с принятием решения.

Россия крайне нуждалась в передышке для восстановления расстроенного хозяйства и переукомплектования армии. Она утешала себя мыслью, что если разрыв с Англией произойдет в сроки, предусмотренные в Тильзите, то в зимние месяцы военные действия будут иметь условный характер и это время можно использовать для наращивания военного потенциала. Но бомбардировка Копенгагена и захват датского флота явились оглушительным ударом по Тильзитской системе и основательно спутали планы Александра I.

Англия исходила из того, что к 50 линейным кораблям Наполеона и его союзников после Тильзита прибавилось еще 24 русских. Если к ним будут добавлены 27 кораблей датско-португальского флота, то силы сторон могут почти уравняться. Кроме того, англичане не могли допустить закрытия Зундского пролива, что привело бы к гибели англо-шведского войска, сражавшегося в районе Штральзунда, и потере связи с балтийскими странами, поставлявшими лес для английского судостроения. Приобщение Дании, по примеру Швеции, к антифранцузскому союзу развеяло бы мечтания Наполеона о глобальном характере континентальной блокады. Чтобы предупредить ожидаемое нападение со стороны союзников, Каннинг решил вынудить Данию к нейтралитету или капитуляции. В датские воды была направлена громадная эскадра из 88 боевых кораблей, подкрепленная 15 тысячами пехоты, прибывшей на транспортных судах из района Рюгена. От Дании требовалось присоединиться к антинаполеоновской коалиции и до конца войны уступить Англии флот, получив компенсацию в 100 тысяч фунтов стерлингов. Кроме того, ей была обещана помочь на тот случай, если она подвергнется нападению французов.

Дания не приняла ультиматума, да и трудно было поступить иначе, учитывая близость французских войск. Тогда англичане комбинированными действиями вынудили 7 сентября Копенгаген к сдаче и захватили весь датский флот в составе 61 единицы. Надежда Каннинга привлечь Данию к союзу с Англией оказалась иллюзорной. Являясь традиционной мореходной страной, Дания много натерпелась от кaperства англичан. Кроме того, предпринятое англичанами после 1801 г. повторное нападение на Копенгаген глубоко ранило ее национальную гордость. Она понимала, что территориальная разобщенность государства,

необходимость морского общения с Норвегией и Исландией делает ее положение уязвимым со стороны английского флота.

Но она была не вольна выбирать себе союзников. А между тем выбор должен был состояться, так как даже Россия, ранее защищавшая ее нейтралитет от покушений со стороны третьих держав, после Тильзита стала побуждать ее к союзу с Францией. Такой союз, однако, мало устраивал Данию. Перед ее глазами был свежий пример Пруссии, напоминавший о том, что любая страна, поддавшая под власть Наполеона, подвергается безжалостному гнету и поборам. Она боялась, что сравнительно быстрая капитуляция Копенгагена может быть превратно истолкована в Париже и вызвать вторжение французов, совершенно готовых для такого прыжка.

Дания не оставалось ничего другого, как официально стать на сторону Наполеона и просить его заступничества. Это нашло свое выражение в договоре, заключенном в Фонтенбло 30 октября 1807 г., по которому Дания без всяких оговорок присоединилась к континентальной блокаде и обязалась объявить войну Швеции, если она не откажется от союза с Англией. Появлению этого последнего условия способствовало то, что Густав-Адольф IV весьма сочувственно отнесся к насилию англичан над Данией и был близок к тому, чтобы самому принять в этом активное участие.

Из сказанного видно, что малые балтийские страны вопреки своим интересам оказались в прямом подчинении правительству крупных воюющих государств. В конце октября в Копенгагене и Стокгольме были получены идентичные русские ноты, в которых подчеркивалась необходимость согласованных действий против англичан в связи с датскими событиями и закрытия Балтийского моря на началах «вооруженного нейтралитета». В положительном ответе Дании можно было не сомневаться, тогда как Швеция отвергла уговоры России о присоединении к Тильзитскому договору. В этом начавшемся русско-шведском споре сочувствие датчан было на стороне России. Они, правда, не хотели, вопреки обязательствам в Фонтенбло, немедленной войны со шведами, но дальнейший ход событий сделал такое столкновение неизбежным.

По договору капитуляции Дании от 7 сентября Великобритания обязалась очистить Зеланд до 20 октября. Но не желая допустить, чтобы после этого срока сюда явились французы, Каннинг предложил Густаву-Адольфу IV занять остров 20-ю тысячами шведских солдат, содержимых на английские деньги. Эта оккупация должна была продолжаться до окончания войны и явиться гарантией возвращения Швеции ее владений в Померании. В противном случае Густав должен был сохранить Зеланд за собой. Швеция не отвергла этого плана, но настаивала на оставлении в Зунде сильного английского флота. Ей казалось,

что Россия не будет возражать против этого и что она тайно симпатизирует всему, что бьет по планам Наполеона. Такую же ошибку, полагаясь на нереалистические донесения посла Гоэра, совершил и Каннинг. Он был убежден, что правительство Петербурга не только не будет возражать против увода датского флота, но и сочувствует усилиям своего бывшего союзника.

Под угрозой оккупации Зеланда шведскими войсками лондонский кабинет пытался склонить Данию к нейтралитету, попросив Россию выступить в качестве посредника. Зная, что ответ из Петербурга не поспеет до 20 октября, когда английские войска должны были покинуть датскую землю, Каннинг предложил расположить 12 тысяч английских солдат в Сконе, чтобы в случае отрицательного ответа Дании переправить их обратно на Зеланд. Но Густав-Адольф IV отверг это предложение под видом того, что он не может снабжать многочисленную чужеземную армию из своих скучных продовольственных запасов. Переговоры, таким образом, зашли в тупик и закончились безрезультатно.

С наступлением холодов и замерзанием проливов положение англичан в датских водах стало бы уязвимым. 21 октября 1807 г. британские силы оставили Зеланд, уведя с собой датский флот.

Датское правительство трепетало при мысли, что, уступив флот англичанам, оно навлекло на себя гнев Наполеона и что приход Бернадота, представлявшийся теперь уже делом времени, причинит стране новые неисчислимые бедствия. Но время показало, что ничего этого не произошло. Датская операция нанесла большой урон политическому и моральному престижу Англии, создав прецедент и вооружив Россию правом поступать с союзниками Англии так же, как Англия поступила с союзницей России — Данией. Она способствовала дальнейшему ослаблению позиции Швеции, явившись одной из причин, ускоривших наступление англо-русского, а затем русско-шведского конфликтов.

Датская трагедия содействовала конечному разрешению финляндской проблемы.

Нападение англичан на Копенгаген заставило Наполеона сильнее почувствовать свою зависимость от России и просить ее приобщения к блокаде раньше назначенного срока, а также решительно повлиять в этом направлении на Швецию.

Петербургу не оставалось другой возможности, как продолжать линию, наметившуюся после Тильзита: ценою максимального послушания в делах Северной Европы выпрашивать у Наполеона компенсацию на Юге. В этой связи было решено принять новые шаги на Балтике. Поскольку столкновение с Англией казалось неизбежным, в Петербурге стали подумывать о возвращении к принципам вооруженного нейтралитета 1780 и 1800 гг., но так как закрыть Балтийское море от англичан нельзя было без Дании и Швеции, было сочтено необходимым

препринять соответствующий дипломатический «зондаж» позиции этих государств. Ноты идентичного содержания, как отмечалось, были вручены Румянцевым 6 октября послам Бломе и Стеддингу. С этого времени развитие международных отношений на Севере Европы вступает в новую fazu.

Судя по смыслу и тону русских дипломатических документов, мы не можем утверждать, что Россия осенью 1807 г. добивалась разрыва со Швецией. Реалистический учет русских политических интересов не свидетельствует в пользу такого предположения. О захвате Финляндии в Петербурге пока не думали, так как это привело бы к войне со Швецией и к дальнейшему укреплению ее союза с Англией. Между тем задача заключалась именно в расторжении этого союза, но без того, чтобы было увеличено число прямых противников России. В обстановке назревавшей войны с Англией такая предосторожность казалась вполне оправданной и логичной. Кроме того, Россия все еще питала иллюзии относительно ожидаемого согласия Наполеона на аннексию княжеств. К тому же раздел Турции мог потребовать сил, которые в случае конфликта на северо-западе должны были быть употреблены в другом направлении. Если же Густав-Адольф вопреки здравому смыслу будет слепо бороться против новой системы и останется союзником Англии в открытом столкновении, то от обходительного отношения со Швецией была бы все-таки та польза, что выигрывалось время.

Объявляя войну Англии, Россия не очень усердствовала: она не наложила эмбарго на британские суда. На негодующий запрос Савари Румянцев ответил, что это не соответствовало бы достоинству России. Когда впоследствии эта мера все же была проведена, то она уже не возымела никакого практического значения: англичане располагали достаточным количеством времени, чтобы беспрепятственно удалиться. Новая ситуация поставила перед Россией во весь рост шведскую проблему.

III

10 октября 1807 г. в Петербурге были получены указания Наполеона о необходимости мирными или насилиственными средствами принудить Швецию к разрыву с Англией. В первом случае Франция заключит мир с правительством Стокгольма и уступит ему Померанию, во втором же, Россия отсылает из Петербурга шведского посла вместе с английским и вознаграждает себя за войну присоединением Финляндии. За всю последнюю тильзитскую франко-руssкую дипломатическую переписку эта страна была упомянута впервые в этом послании. Но в последующих письмах и нотах она встречается все чаще. Можно предположить, что Наполеон уже тогда пришел к мысли отдать

России этот бедный, редко населенный край, но окончательно отказать в предоставлении Дунайских княжеств.

Вопрос о Швеции приобрел теперь для самой России очень большую актуальность. Оторвав эту страну от ее союзницы и восстановив принципы договора о морском вооруженном нейтралитете, Александр надеялся прочно защититься от английской морской угрозы. Но посещение Алопеусом Густава-Адольфа в Гельсингборге, равно как и ответ Стокгольма от 30 октября 1807 г. на соответствующий запрос русского министерства иностранных дел, не давали основания надеяться на мирное решение шведской проблемы.

Вручая ответную ноту Швеции, посол Стединг подчеркивал торговую зависимость своей страны от Великобритании и незащищенность шведских берегов от возможных нападений английского флота. На замечания Александра о готовности России поставлять Швеции необходимое количество зерна и соли посол сослался на невозможность доставки этих товаров в Швецию. Требовать, продолжал Стединг, от Швеции разрыва с Англией в момент, когда ей угрожают войною Франция и Дания, равносильно забвению ее простейших интересов.

Удручающее впечатление в Петербурге вызвало решение Густава вернуть Александру орденские знаки Андрея Первозванного. Это было расценено как выражение неуравновешенности короля, который в порыве сумасбродства мог предпринять опрометчивые шаги и военного характера. В этой связи было решено усилить приготовления на финляндской границе и начать переговоры с датским послом Бломе о возможной координации действий.

В целях урегулирования с Россией Стединг 1 декабря 1807 г. предложил следующее компромиссное решение: Россия оставляет в полном покое Швецию, если последней удастся уговорить англичан уважать нейтралитет Балтийского моря и не вторгаться в его пределы. Сообщая об этом своему правительству, Стединг, правда, выражал сомнение относительно готовности Наполеона уважать нейтралитет Швеции. Ему казалось вероятным, что Франция все-таки будет вынуждать Россию к активным действиям против Стокгольма, если последний будет проявлять колебания в своей решимости порвать с Англией.

Швеция задерживала ответ на русскую ноту от конца ноября, и хотя в ожиданиях его дипломатические встречи со Стедингом не прекращались, продолжались и военные приготовления России. Русским войскам в Финляндии был назначен главнокомандующий. Им стал генерал Буксгевден.

Коленкур 3 января 1808 г. потребовал от Александра активных действий, прежде чем англичане и шведы успеют объединить свои силы. Чтобы убедить царя в необходимости спешить, он сослался на распространившийся слух о намерении англичан

напасть на Норвегию, а Густава-Адольфа — через Финляндию на Петербург. Александр, все еще надеясь на мирное разрешение спора со Швецией и желая выиграть время на тот случай, если война окажется неизбежной, ссылался на трудности переброски войск в зимних условиях, отсутствие сведений о планах Дании и возможность бегства шведского флота к англичанам, если порты окажутся еще не скованными льдом. Коленкур категорически отвел эти предположения и потребовал, чтобы Россия немедленно помогла Дании и быстрым завоеванием Финляндии принудила Швецию к союзу. Это — единственный способ избежать встречи с англичанами предстоящей весною и защищать балтийские порты от их угрозы. Хотя Александр и соглашался с доводами посла и обещал принять неотложные меры против Швеции, но на вопрос Коленкура, что он может сообщить Наполеону о сроках, отвечал уклончиво. Потребовалось еще целых полтора месяца напряженной дипломатической борьбы, прежде чем в Париже узнали о начале конфликта.

Россия, хотя и неохотно, но неуклонно приближалась к своему окончательному решению. 15 февраля Швеция после долгого выжидания ответила уклончиво на ее последнюю ноту. Стединг попросил аудиенции в этой связи и снова поднял вопрос о нейтрализации Балтийского моря по шведскому плану, но Александр отверг его, сказав, что он не нравится Наполеону. Он добавил, что наибольшая опасность для Швеции нависает не с Востока, а со стороны Норвегии и Сконе. Царь доказывал послу вынужденный характер своей враждебности к Швеции, сославшись на присутствие двухсот тысяч французов у границ России, которым она может противопоставить только 100 тысяч, что Густав-Адольф мог бы спасти положение, согласившись хотя бы временно присоединиться к союзникам.

В правящих кругах Петербурга все еще не теряли надежды на мирное разрешение спора со Швецией, что нашло свое выражение в ноте, подписанной 17 февраля 1808 г. Она содержала известные требования России о превращении Балтийского бассейна во внутреннее море на началах союза о морском вооруженном нейтралитете. Несмотря на то, что Россия стремилась лишь к предотвращению насилий подобных тем, жертвою которых стала Дания, говорилось в ноте, Швеция на это не пошла и даже вела переговоры с Англией об участии в оккупации Зеланда.

Оставляя русские предложения надолго без ответа и добиваясь укрепления союза с Великобританией, Швеция в условиях начавшейся русско-английской войны отнюдь не внушала уверенности в своей лояльности к России и вынуждала последнюю принять шаги, сообразные с интересами ее обороны. В создавшейся обстановке Россия не могла уважать просьбу Швеции о ее нейтралитете, но она готова сделать это, если Густав-

Адольф вместе с Данией закроет проливы для английского флота.

Одновременно с этим 6 (18) февраля в Фридрихсгаме был подписан манифест к финскому народу, в котором подчеркивался вынужденный характер начавшейся войны и неизбежность временного присоединения Финляндии к России, если король не откажется от союза с Англией и не примет условий Наполеона, предложенных при посредстве России. Жители края призывались к спокойствию. Гарантировалась незыблемость гражданских прав и законов. Чиновники могли оставаться на своих местах, за исключением лиц шведского происхождения. В заключение манифест приглашал жителей в законном порядке избрать своих депутатов на сейм в Або, где они обсудят и решат вопросы лучшей организации управления страной. Вопрос о том, как должна была решиться судьба края, если Швеция совсем отклонит русские предложения, оставался пока открытым.

В день подписания ультиматума Швеции копию его получил Коленкур. Он потребовал, чтобы Александр дал клятву, что на этот раз никаких переносов сроков не произойдет и что военные операции действительно начнутся. Коленкур в донесениях к Шампаны высказывал подозрение, что медлительность русских вызывается их неудовлетворенностью в турецком вопросе. Подтверждение этому он услышал из уст самого Румянцева вечером 17 февраля.

Хотя с момента подписания Тильзитского соглашения прошло всего полгода, глухое недовольство, царившее ранее между союзниками, стало перерастать в открытую неприязнь. Александр отдавал себе отчет, что после безрезультатных четырехмесячных переговоров бесконечное откладывание шведского вопроса будет угрожать безопасности Петербурга. Это означало, что если Густав не откажется от своей позиции, то с наступлением весны английский флот может появиться в Финском заливе. Кроме того, он не хотел доводить свои противоречия с Наполеоном до открытой ссоры. Хотя следует сказать, что даже ультиматум 17 февраля, также как и соответствующая инструкция Алопеусу, все еще допускал мирное урегулирование, если только Швеция примкнет к континентальной блокаде. На тот случай, если ответ Стокгольма будет отрицательным, посол должен был сам позаботиться об архивах, шифрованных кодах и решить вопрос о выезде из Швеции. Сведения о вооруженных силах противника следовало доставить ему самому, не доверяя их курьеру. Одновременно Алопеусу поручалось, по просьбе Буксгевдена, «прозондировать» почву относительно перехода на русскую службу уроженца Финляндии генерала Армфельта.

Из характера этого поручения, равно как и из предписания собирать разведывательные сведения о вооружениях Швеции,

вытекает, что русское правительство, допуская возможность длительного пребывания Алопеуса в Стокгольме, не думало о немедленной войне. Судьба мира находилась до и после 17 февраля целиком в руках стокгольмского правительства: признай оно принципы 1780 и 1800 гг., и война была бы предотвращена. Россия, при существующей конъюнктуре, не была заинтересована в войне. Если бы она хотела войны, ей было бы достаточно вручить ультиматум шведскому послу в Петербурге и начать вторжение. Но она поступила иначе. Желая, чтобы король и Стединг получили ноту одновременно, Румянцев отправил курьера в Стокгольм за несколько дней до вручения ноты послу. В случае перемены в позиции Густава-Адольфа переговоры могли быть продолжены в Стокгольме, на что Алопеус был снабжен необходимыми полномочиями. Но в Петербурге не подозревали, что из-за сложных ледовых условий посланный Румянцевым курьер должен был ехать вокруг Ботнического залива, что потребовало времени значительно больше обычного. Между тем молчание шведского правительства было воспринято как вызов. Россия считала себя вправе перейти границу.

Поскольку ультиматум еще не поспел в Стокгольм и война фактически началась без официального объявления, король обвинив Россию в вероломстве, приказал в ночь на 3 марта арестовать русского посла Д. Алопеуса и запечатать его бумаги. Этот поступок вызвал сильное ожесточение в Петербурге. Он в значительной степени рассеял те надежды, которые здесь еще питали на возможность урегулирования конфликта на его начальной стадии. Следует сказать, что каким бы изолированным событием ни казался арест Алопеуса в Стокгольме, этот беспрецедентный в дипломатической истории акт имел значительное влияние на развитие собственно финляндских дел. К этому следует добавить, что как бы России зимой 1808 г. не хотелось ввязаться в конфликт со Швецией, постоянная озабоченность уязвимостью столицы со стороны Финляндии также не переставала давать о себе знать.

IV

Наполеона беспокоило то обстоятельство, что в корпус Бернадота, предназначенный для вторжения в Швецию, входили испанские полки, которые, по мере ухудшения положения на Пиренеях, становились все менее надежными.

Когда Наполеон приказал вернуть французские части, переведенные через Малую Бельту, возникло замешательство. У датчан стали рождаться подозрения, не собираются ли они оккупировать Данию вместо того, чтобы совершить транзитное движение через ее территорию. Правительство Дании поняло,

что его страна из-за двуличного поведения французского союзника попала в тяжелое положение. Будучи втянутой в войну против Швеции, она была брошена на произвол судьбы. Ее норвежские владения оказались под ударом и в самих датских водах уже крейсировала эскадра адмирала Паркера.

Инсценировка вторжения в Сконе является одной из тех авантюр, при помощи которых Наполеон стремился обманывать своих союзников.

В Петербурге не остались не понятными скрытые мотивы двурушничества Наполеона. Полагая, что Франция намерена переложить всю тяжесть войны, а следовательно, и вторжения в пределы Швеции на плечи своей союзницы, Россия вообще стала сомневаться в целесообразности этой операции. Наполеон полагал, что чем больше русские будут прикованы к Финляндии и Швеции, тем меньше была бы их активность в турецком и прусском вопросах и тем незначительнее шансы на присоединение к затеваемой Австрией антифранцузской коалиции.

Провал плана датско-французского десанта в Швецию значительнейшим образом повлиял на судьбу Финляндии и на создание условий, способствовавших рождению ее государственности. В связи с тем, что усилия союзников не могли привести к закрытию датских проливов, русские берега, включая Петербург, оказались незащищенными от английского флота. Суровая необходимость ведения войны без союзников заставляла Россию во имя прочности ее северо-западной границы делать небывалые уступки финляндским подданным. Для того, чтобы доказать, что в составе России им живется бесконечно лучше, чем в период шведского господства, никакие жертвы со стороны царизма не казались слишком большими.

Присоединение Финляндии позволило правительству России в какой-то мере парировать обвинения оппозиции о бесплодности Тильзитского союза, приведшего к разорительной блокаде и войне со Швецией. Коленкур выражал удовлетворение территориальным приобретением своего союзника, подчеркивая его стратегическое значение для безопасности Петербурга и то, что завоевание новой, несравненно лучшей границы, доступной для обороны силами местных ополченцев, позволит России высвободить целую дивизию для другой цели, более важной для интересов союзников.

Все же в обстановке легких побед весны 1808 г. с русской стороны идея финляндской государственности и автономии казалась безнадежно отброшенной и умерщвленной. Но за ее оживление уже который раз решительно взялся Спренгтпортен. Его поддерживал в этом вопросе бывший аньялец Тандефельт. В своем пространном мемориале, адресованном русскому прави-

тельству, Спренгтпортен писал, что Финляндия возлагает больше надежды на сотрудничество с Россией. Анализируя гнет, которому страна подвергалась при шведах, он говорит о необходимости улучшения военной организации, судопроизводства, условий материального производства в городе и деревне, о строительстве дорог, воссоздании и охране лесных богатств, организации ипотечного банка и об интенсивном изучении русского языка интеллигентией края.

Спренгтпортен писал многочисленные обращения в министерство иностранных дел, доказывая, что созыв сейма соответствует русским интересам. 23 марта Румянцев получил от него письмо и памятную записку, в которой перечислялись вопросы, подлежащие, по мнению автора, рассмотрению на сейме. К ним относились: вопрос о присоединении страны к России и принесении присяги представителями сословий; организация управления краем в соответствии с ранее провозглашенными принципами, предусматривающими восстановление гражданских служащих на своих должностях и учреждение, в зависимости от потребности, новых должностей; вопрос о размерах налогов и поставках военного времени; определение численности воссоздаваемых вооруженных сил и условий вступления в национальное войско. Наконец, он предлагал обсудить вопрос о торговых отношениях с империей и подчиненности церковного управления. Однако общий ход военных событий протекал так, что он пока не принуждал Россию к столь многозначительному заигрыванию с новыми подданными.

Хотя общая картина войны и сотрудничества с Францией ухудшилась, обреченность Свеаборга сулила в скором времени, какказалось, решение шведской проблемы. Буксгевден писал Румянцеву, что продолжается сооружение крупнокалиберных батарей, которые закроют доступ шведским судам на гельсингрейский рейд. Но оптимизм Буксгевдена был вскоре омрачен тем, что Густав-Адольф IV решил с приближением весны попытаться отвоевать обратно Финляндию. Он прибыл на Аландские острова и объявил, что отныне архипелаг присоединяется к Стокгольмской губернии, а его жители мобилизуются для борьбы с русскими. Несмотря на то, что Буксгевден запретил аландцам под угрозой наказания следовать призывам короля, страх перед возможным народным выступлением не покидал главнокомандующего.

В этот момент снова выступил Спренгтпортен. 10 апреля он написал письмо Румянцеву, в котором считал военное завоевание Финляндии совершившимся фактом. Швеция не может ее себе уже вернуть, тем более, что ее силы, равно как и внимание ее союзницы Англии, обращены преимущественно к Норвегии. Военное завладение Финляндией следует дополнить завоеванием на свою сторону расположения ее жителей. А это возможно

путем созыва сейма и организации либерального управления в приобретенном крае.

27 сентября начался конгресс в Эрфурте. Еще до этого Румянцев заявил Шампаньи, что целью настоящей встречи является исправление положения, возникшего в результате письма Наполеона от 25 февраля, отвергавшего притязания России на княжества и содержащего план совместного похода в Индию. Александр был раздражен тем, что Франция оставалась на Одере и владея крепостью Кюстрин по-прежнему угрожала России, что она требовала от Пруссии дополнительных контрибуций, не предвещавших возвращение этой стране обещанной независимости. Поэтому он не обращал внимания на требования Наполеона о признании Иосифа и совершении совместного демарша против военных приготовлений Австрии.

Сцены гнева, разыгрываемые французским императором, не действовали на царя. Он просто пригрозил покинуть Эрфурт, что произвело на Наполеона весьма отрезвляющее впечатление. Ссылки Наполеона на непримиримость Англии представлялись неубедительными. Александр хорошо помнил о мирных предложениях Лондона и твердо знал, что мир с ним будет достигнут, как только это будет соответствовать интересам России. В скором завершении завоевания Финляндии русское правительство было также убеждено, благодаря чему Александр повел себя в Эрфурте совсем не так, как этого хотел Наполеон, отправляясь на эту встречу. Пользуясь зависимостью Наполеона от России, Александр вынудил у него санкцию на безвозмездное присоединение Дунайских княжеств и Финляндии.

Легко заметить, что от Тильзитского соглашения между союзниками теперь уже ничего не осталось. Обе стороны получили новые доказательства того, что столкновение между ними неизбежно. Проездом из Эрфурта Александр сказал своей сестре в Веймаре, что Европа уже слишком мала для него и Наполеона и что кто-то из них должен посторониться, а в Россию он писал, что Наполеон считал его глупцом, но хорошо смеется тот, кто смеется последним.

В предчувствии грозных столкновений Александр по прибытии в Петербург занялся разрешением финляндского вопроса. Военное положение России продолжало улучшаться. В конце сентября к огорчению шведов Сомарес прекратил блокаду Балтийского порта, а на сущее по просьбе Клингспорта было заключено перемирие в Лохтая.

Но генералы не подозревали, что заключенное ими перемирие, поскольку оно вело к отказу от немедленного уничтожения армии Клингспорта и к отсрочке завоевания Финляндии, решительно противоречит соображениям, которые руководили Александром в Эрфурте. Понимание того, что быстро меняющаяся

политическая обстановка в результате промедлений на фронте может привести к потере Финляндии заставило Петербург отменить перемирие в Лохтая и потребовать энергичного продолжения наступательных действий.

Общеполитическая конъюнктура складывалась благоприятно для собственно финляндских интересов. Австрия не перестроила свою политику после Эрфурта. Считая, что на этом конгрессе состоялись явные и тайные решения, противоречащие ее интересам, и отдавая себе отчет в том, что ее ресурсы не позволяют длительное время держать под ружьем многочисленную армию, она, в сущности, не скрывала своего намерения обуздить Францию, как только для этого представится достаточно благоприятный момент. Следовательно, Россия должна была по-прежнему спешить с изгнанием шведов за Торнео и предоставлением Финляндии таких льгот, которые гарантировали бы ее лояльность в случае войны и, тем самым, прочность новой северной границы империи от покушений со стороны Швеции и ее союзников, если силы России будут отвлечены в сторону Центральной или Южной Европы. Шведская армия отступала все дальше к Улеаборгу, превращая оставляемые районы в зону пустыни. Она совершенно не задумывалась над тем, в каком положении оказывались жители сожженных деревень в условиях надвигающейся полярной зимы.

30 ноября в Петербурге Александр принял финляндскую депутацию. Спренгтпортен в соответствии с предписанием с «высочайшей» стороны развивал свой план временного правительства Финляндии. Оно должно было состоять из 12 лиц местного происхождения, из коих половину составляло дворянство, тогда как остальные шесть мест предоставлялись другим сословиям. Срок членства в правительстве — три года. Оно подразделялось на 4 равных части для руководства определенными участками жизнедеятельности страны. Каждое ведомство комплектовалось снизу до верху чиновниками, знающими языки народа. Финский язык должен был иметь употребление во всех учреждениях наравне с русским.

План Спренгтпортена был отдан на рассмотрение комиссии, куда входили, помимо его самого, Аракчеев и Кнорринг. Комиссия отвергла мнение Спренгтпортена относительно финского языка, предпочтя ему шведский, пока он, в свою очередь, не будет заменен русским языком. Стремление Спренгтпортена уберечь Финляндию от подчинения русским министерствам, заменив его отчетностью только перед царем, также не встретило поддержки. Стало казаться, что Финляндию, при всех обещаниях сохранить ее обособленность, ожидает перспектива уравнения с остальными русскими губерниями и что желание Спренгтпортена предоставить ей автономное административное управление потерпит крах.

Однако в действительности все сложилось иначе. По-видимому Александр после Эрфурта лучше Аракчеева понимал неизбежность столкновения с Наполеоном и прямую целесообразность лестью и уступками привлечь на свою сторону доверие финляндских подданных. Какое оружие он вручил бы в руки шведов и прошведских элементов, если бы он при конечном решении вопроса отказался²³ от обещаний, данных в манифесте от 18 февраля. Воочию убедившись, что план Спренгтпортена не противопоставляет финские интересы русским, а исходит из их идентичности, царь решительно встал на его сторону, признав аракчеевское толкование принципа общемперского единства при данной внешнеполитической конъюнктуре ошибочным и опасным. 19 ноября (1 декабря) 1808 г. он отверг рекомендации комиссии и установил, что все дела, касающиеся Финляндии, должны докладываться лично ему, минуя петербургские министерства. Этим была санкционирована и узаконена мысль Спренгтпортена об обособленности Финляндии.

Декрет от 1 декабря является важным шагом на пути создания финляндской государственной автономии. Созыв сейма в Борго в марте 1809 г. был лишь дальнейшей конкретизацией и развитием этого принципиального установления.

В тот же день, 1 декабря, состоялось назначение Спренгтпортена. Он стал единственным губернатором России, который был подчинен не сенату, а непосредственно царю.

Завоевание Финляндии шло к концу. Тактические поражения русских войск были вызваны их малочисленностью и распыленностью, но не антирусским восстанием народа, о котором говорят шведские авторы. Представляется бесспорным, что Финляндия не была ни второй Вандеей, ни тем более второй Испанией. За время так называемой народной войны здесь не было зафиксировано ни одной сколько-нибудь значительной операции партизан, за исключением пленения отряда Вуича в 400 человек на Аландских островах, в результате комбинированного нападения местных шведов и отряда канонерских лодок, прибывшего из Стокгольма.

Если бы народная война в Финляндии действительно имела место, то что могло бы помешать почти миллионному населению, взаимодействуя с армией Клингспорта, уничтожить 24-тысячное русское войско, разбросанное маленькими группами на огромной территории. То, что финны сотрудничали с русскими войсками, сдали им первоклассную крепость Свеаборг, Свартгольм и большинство городов без единого выстрела, еще до окончания войны порвали всякие узы с метрополией, собрались на сейм в Борго и основали, с ведома России, свою государственность, все это плохо согласуется с тенденциозной версией проповедников извечности финско-русской вражды.

В этот переломный момент общественные деятели Финляндии принимали активное участие в конструировании политической будущности своей страны. В этом отношении большой интерес наряду с трактатами Спренгтпортена, представляет записка Егергорна²³, которую он вручил Александру I во время Эрфуртского конгресса. Он, как и Спренгтпортен, стремился парировать вмешательство русских министров в дела его родины и обеспечить для финляндской автономии настолько широкую основу, как это только было возможно. Егергорн настаивал на максимальном расширении прерогативы сейма и на том, чтобы царь, став ограниченным правителем Финляндии, давал бы перед сеймом соответствующую конституционную присягу.

Егергорн испытал сильное влияние учения Монтескье. Он утверждал, что если царь будет причинять помехи национальной целостности и неприкосновенности финского народа, Финляндия погибнет, в ущерб интересам самой России. Природа и климат обусловили специфические особенности жителей этого северного края. И если русские законы, порожденные восточноевропейским равнинным климатом, будут механически навязаны Финляндии, произойдет несчастье, от которого не убережется и сама Россия. Но кому не ясно, продолжал Егергорн, что если Финляндия и Россия постигнут идентичность своих интересов, и если финны будут знать, что покровительство русских гарантирует им внешнюю безопасность и возможность под защитой собственных законов развивать свою национальную сущность, а Россия — питать уверенность, что финский народ, поставленный в такие условия, готов всей своей мощью защищать северную русскую столицу, кому не ясно, что при таких условиях не нашлось бы физической силы, которая могла бы оторвать эти два народа друг от друга.

Ордин глубоко не прав, утверждая, что Александр I и его советники не имели ни малейшего представления²⁴ о шведской конституции и полномочиях финляндского сейма, что декларируя и расточая привилегии этому краю (к тому же противозаконных, т. к. он не имел права нарушать основы монархического единовластия), царь руководствовался не какими-либо политическими соображениями, а модной приверженностью к либеральному пустословию. Попытка Ордина свести весь смысл «боргосского курса» России к софистике и демагогическому позированию Александра начисто опровергается документами и фактами.

Еще до издания реескрипта от 20 января (1 февраля) 1809 г. о созыве сейма Александр распорядился через Сперанского

²³ «Valvoja», 1884, s. 58—70.

²⁴ Ордин, К., Покорение Финляндии, т. II, стр. 300, 315.

затребовать от видных деятелей Финляндии Маннергейма и Ребиндера и консультанта Министерства иностранных дел Бугка подробные сведения о составе и прерогативах шведского сейма, а также положения существа конституции 1772 г., с освещением вопроса о том, как она делит власть между монархом и высшими представительными учреждениями. Все три автора подчеркивали ту мысль, что шведская конституция, которую в измененном виде решено применить к Финляндии, построена на принципах ограниченной монархии, исключающих абсолютизм в русском понимании.

В рескрипте о созыве сейма Александр впервые назвал себя великим князем Финляндии, что соответствовало духу присяги, которую он впоследствии дал в Борго.

На основании изложенного мы можем сделать вывод, что автономия Финляндии была порождена враждебностью к России со стороны Швеции и Турции, начавшейся австро-французской войной и пониманием близости решающего столкновения с Наполеоном.

V

10(22) марта 1809 г. в г. Борго по предложению русского правительства был созван сейм, явившийся по существу Учредительным собранием Финляндии. Он утвердил автономное положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи и рассмотрел вопросы создания финляндского правительства национального войска и новой системы налогов.

В предложениях Петербурга сейму по вопросу о финляндском войске содержалась мысль, что система комплектования армии может без изменений сохраниться прежней, но что само создание войсковых контингентов в ближайшие десятилетия не должно практиковаться. Воинскую повинность следовало заменить умеренным денежным взносом в пользу казны. Сейм охотно встал на эту точку зрения и добился освобождения страны от бремени воинской повинности на целых 50 лет. Он исходил из того, что отныне Финляндия надежно защищена военной мощью России и что средства, употребляемые ранее по требованию шведов на нужды обороны, теперь могли быть предназначены на цели экономического возрождения края. Далее устанавливалось, что в будущем, когда национальное войско будет восстановлено, оно будет возглавляться собственным генералитетом, без права употреблять его за пределами своей страны.

Россия ввела в Финляндию свои войска, разместив их по многим городам и важным стратегическим пунктам, включая Свеаборг, Або и Тавастгуст. Освободившись на длительное время от необходимости содержать армию, Финляндия получила одно из тех многочисленных преимуществ, которые под-

защитой и покровительством России в течение нескольких десятилетий способствовали ее всестороннему преуспеванию.

В рекомендациях России по налоговому вопросу содержалось заверение, что она не претендует ни на малейшую долю доходов Финляндии и что все виды сборов должны быть употреблены на ее собственные нужды. Налоговая система края, унаследованная со временем средневековья была чрезвычайно пестрой, включавшей в себя многие разновидности обложения. Попытки осовременить и унифицировать ее на сейме не привели к желаемому результату. Только в 1840 г. система налогов была реорганизована настолько, что она стала в значительной мере соответствовать новым условиям.

Сейм предпринимал большие усилия, чтобы упорядочить денежную систему страны. Достаточно сказать, что шведские далеры имели хождение наряду с русским рублем, хотя Финляндия не могла влиять на их курс. А во время войны бумажные ассигнования вообще циркулировали принудительно. Исходя из этого финансовая комиссия, а затем и сейм предложили учреждение собственной финляндской денежной единицы, соответствующей по своему достоинству русскому серебряному рублю. Тогда же было решено и о создании своего банка, подчиненного сейму и функционирующего под его надзором.

Однако до создания особой финляндской денежной единицы тогда дело не дошло. Вопрос был временно решен указом Александра I от 29 декабря 1809 г., узаконившим серебряный русский рубль в Финляндии в качестве основной единицы денежного обращения, до введения финской марки.

Что касается государственного банка, то основа его была заложена в 1811 г., в виде конторы финансовых операций в городе Або.

Вопрос о создании собственного финляндского правительства явился, бесспорно, самым важным. Сконструированный на сейме государственный совет оставался, вплоть до возобновления деятельности сейма в 1863 г., едва ли не самым главным фактором существования и развития финляндской автономии и конституционализма.

В соответствии с утвержденным 18 августа 1809 г. регламентом управление Финляндией поручалось правительствующему совету, функционирующему под председательством генерал-губернатора. Однако присутствие его на всех заседаниях совета не считалось обязательным. Срок членства в правительстве не должен был превышать три года. Правительствующий совет делился на два отдела: юридический и экономический. Первый из них являлся высшей судебной инстанцией, ведавший делами, требовавшими применения законов, тогда как в компетенцию второго входили все остальные сферы общественной и государственной жизни, за исключением иностранных дел.

Экономический отдел, в свою очередь, делился на 5 подотделов, каждый из которых нес свой круг обязанностей. Руководителями юридического и экономического отделов правительства стали соответственно Тандефельт и Геер. В отсутствии генерал-губернатора они поочередно председательствовали на заседаниях правительствуемого совета.

Из 12 мест совета 6 заполнялись представителями дворянства, остальные места предоставлялись выходцам из других сословий.

Одновременно с правительствуемым советом сейм учредил должность генерального прокурора, который, наряду с функциями главного обвинителя, должен был истолковывать законы и требовать их соблюдения.

Несмотря на то, что сейм по ряду вопросов оставил впечатление чрезмерной спешности и незавершенности, он отразился в сознании финского народа как событие большого переломного значения.

VI

Не желая мириться с потерей Финляндии, Швеция решилась на последнее отчаянное усилие, хотя и понимала, что сложившееся к весне 1809 г. соотношение сил, не говоря уже о потенциальных возможностях России, не сулило ей ничего утешительного.

После Олкиокского перемирия, по которому остатки войск Клеркера в конце 1808 г. перешли реку Торнео, ни один шведский солдат уже не вступил на финскую землю. Теперь русские силы намерены были с трех сторон угрожать Швеции в ее собственных пределах и комбинированными ударами положить конец затянувшейся войне.

Стало очевидным, что Россия намерена атаковать Стокгольм со стороны Аландских островов, через Кваркен и с севера, в обход Ботнического залива. Дания должна была поддержать эти усилия вторжением через Зундский пролив в Сконе. Ходили слухи, будто Россия и Франция договорились расчленить Швецию и исключить ее из числа суверенных государств.

Шведские правящие круги, устрашенные начавшимся продвижением Багратиона по льду Аландского моря и вторжением Барклай де Толли через Кваркен и понимая военную беззащитность своей страны перед превосходящими силами русских, совершили 13 марта при помощи Адлеркрейца, Клингспорта и других генералов государственный переворот в надежде, что отрешение Густава-Адольфа от престола облегчит достижение приемлемого мира.

Мысль о вторжении в Швецию в петербургских кругах вынашивалась давно. Еще до начала войны Спренгтпортен в своих

«Новогодних размышлениях» высказывал мнение, что такая экспедиция может оказаться необходимой для достижения конечной цели войны. Весной 1808 г., когда завоевание Финляндии казалось решенным делом, Александр I и Аракчеев неоднократно поднимали этот вопрос перед главнокомандующим Буксгевденом. Но летние поражения Тучкова и Раевского заставили военное руководство временно отказаться от этого плана. В последующие месяцы вопрос о вторжении постоянно фигурирует в переписке между главнокомандующим и Петербургом, так как в нем по-прежнему видели единственное средство заставить Швецию признать русское превосходство.

После Олкиокского перемирия Александр отдал окончательную директиву о перенесении войны на территорию Швеции. По плану, разработанному в феврале 1809 г., 20 тысяч человек должны были двинуться по льду залива из Базы на Умео; другому отряду предстояло сделать это же в створе Аландских островов; третьему — предписывалось двигаться из Торнео вдоль западного побережья к Умео и, сокрушив возможное сопротивление шведов, встретиться с остальными двумя отрядами в Стокгольме.

Вскоре руководство действиями русских войск в Швеции было поручено прославленному генералу Каменскому. 5 июля в сражении при Хернеборсе он одержал свою первую летнюю победу.

Победы Каменского поставили Швецию перед окончательной катастрофой и вынудили ее 5 сентября 1809 г. подписать Фридрихсгамский мир, санкционировавший переход Финляндии и Аландских островов в обладание России.

* * *

Николай I за все время своего правления не созывал гарантированный его предкам и им самим сейм Финляндии, но разогнать созданный в Борго сенат он не решился из страха, что такая мера отбросит финнов в объятия Англии, Франции и Швеции. Их этническое обезличивание должно было происходить непременно. Генерал-губернатор Финляндии Менишков в своем обозрении за 1844 г. говорил, что в этой связи он отвергает спешность, «потрясающую коренное здание финляндских нравов и законов»²⁵.

После смерти Николая I положение изменилось в пользу финнов. Обнаружившаяся в Восточную кампанию военная несостоятельность России, опасное польское восстание и грозные тучи новой европейской войны вынудили Александра II обратиться к Финляндии с далеко идущими мерами политического заигрывания. Он не только восстановил сейм и расширил его

²⁵ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 6, д. 32, лл. 151, 152.

полномочия, но и установил периодичность его созывов. Последовали новые шаги, направленные на улучшение условий экономического и политического развития, которые в сочетании с буржуазными реформами, предпринятыми по инициативе сейма и сената, способствовали быстрому материальному и духовному прогрессу края.

Экономические выгоды, полученные Финляндией из присоединения к России, весьма многозначительны и бесспорны.

Сельское хозяйство, бывшее основной отраслью экономики, подверглось основательной реорганизации: вперед выдвинулось молочное скотоводство, вследствие чего Финляндия по поголовью коров вышла на одно из первых мест в Европе (на 1000 жителей 400 коров).

Еще более значительными были достижения в области фабрично-заводского производства: к 1905 г. уровень 1840 г. был превзойден в 300 раз. Добавим, что в последнем отношении, с учетом численности населения, Финляндия превзошла европейскую часть России в полтора раза²⁶.

Огромного развития достигла лесная промышленность. К концу века $\frac{2}{3}$ внешнего вывоза падает на пиломатериалы. Россия была главной потребительницей финляндских товаров. Причем она делала это с предоставлением своему северному партнеру крупных таможенных льгот. Тризна Д. С. подсчитал, что в одном только 1908 г. русская казна потеряла на этих привилегиях 23 млн. рублей. Он пишет, что такое условие «поставило Финляндию в положение вне конкурса и дало ей возможность, пользуясь широким и обеспеченным сбытом своих изделий в Россию, развить свое производство в ущерб русскому»²⁷.

Финляндия развила свой водный и железнодорожный транспорт. Если в 1826 г. ее торговый флот насчитывал 250 судов, общим водоизмещением в 41 тыс. тонн, то к 1907 году их было 1759, емкостью в 324 тыс. тонн.

В строительстве железных дорог в наиболее населенных губерниях Финляндия к 1907 г. также обогнала европейскую Россию.

Если учесть, что бюджет Финляндии с 1868 г. по 1908 г. вырос с 9,5 млн. руб. до 57 млн., то нельзя не признать, что она являла собой картину стремительного экономического роста.

В сберегательных кассах этой окраины было вкладов в три раза больше, чем в европейской части империи.

В 1835 г. в Финляндии насчитывалось 8 штатных врачей, а к началу XX в. там было 198 больниц и 31 приемный покой

²⁶ Тризна. Д. С., Финляндия за 100 лет в составе России (1809—1909). С.-Петербург, 1911, стр. 54.

²⁷ Указ. соч., стр. 63.

с 5063 больничных коек, что значительно превосходило постановку здравоохранения в наиболее населенных губерниях России.

Народное образование Финляндии в период шведского господства находилось в плачевном состоянии. Единственный в стране Абосский университет пребывал в бедственном положении. После присоединения к России Абосская академия стала предметом особых заигрываний со стороны царского правительства. В 1828 г. там было 339 студентов, хотя обучение пока велось на шведском языке. В 1835 г. в Финляндии было 3 гимназии, готовивших учителей, но функционировавших пока на шведском языке. Зато в последующие десятилетия картина резко изменилась. К началу ХХ в. здесь существовало 3 высших учебных заведения, насчитывавших 2000 студентов, что в два раза превосходило показатели России. Такое же положение сложилось в отношении среднего образования. Большое количество финских начальных школ покончило с безграмотностью населения.

Таким образом царизм поощрял экономическое и культурное развитие Финляндии, чтобы прочнее приобщить ее к своей политической колеснице. Однако в вопросах социально-политического характера он не оказывал ей ни малейших уступок, не усматривая разницы между трудящимися Финляндии и другими окраинами империи. Это порождало революционную солидарность между финскими и русскими рабочими и крестьянами в борьбе против общего врага — царизма, что нашло свое выражение уже в ходе революции 1905 года и Свеаборгского восстания.

Внутренняя история Финляндии XIX в. наполнена острой социально-политической борьбой. Однако эти большие проблемы имеют самостоятельное значение и не входят в рамки настоящей работы.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. «К вопросу об оценке присоединения Финляндии к России в 1809 г.», Ученые записки Петрозаводского государственного университета, т. 6, вып. I. Петрозаводск, 1957 г.
2. «Из истории русско-финско-шведских отношений второй половины XVIII и нач. XIX вв.», Ученые записки Петрозаводского государственного университета, т. 9, вып. I, 1962 г.
3. «Международные отношения на Севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России в 1809 г.» Карельское книжное издательство. Петрозаводск, 1965.

(монография).